

Россия, - 2005. - 3-9 февр. - с. 14

Беседовала
Евгения Ульченко

Ему все еще смешно. Хотя «шутки давно кончились». Народный артист России, художественный руководитель Театра сатиры, всенародный любимец Александр Ширвиндт уверен, что ни в коем случае нельзя терять чувство юмора. Только оно спасет, иначе — хана... А ведь нынешний сезон для Театра сатиры вдвойне юбилейный. В праздничном флаконе — 80-летие театра и 70-летие самого Ширвиндта.

Александр ШИРВИНДТ:

Сатира подражает злость, а я ее не люблю

СЕРГЕЙ ИЛЬИН

— Не оправдали вы, Александр Анатольевич, наших надежд на юбилей...

— И не говори, слинял...
— Сбежали на Валдай, перенесли день рождения на конец года, а потом и вовсе отменили. Почему?

— Когда Бернарда Шоу спросили, почему он не справляет свои дни рождения, писатель ответил: «За чем справлять дни, которые приближают тебя к смерти?» И действительно, что за праздники эти семидесятилетия? Тем более что вокруг, как опыта, возникли юбилей друзей. Каждый день — чье-нибудь семидесятилетие... Бывшие шестидесятники стали теперь семидесятниками — по возрасту. А так как я всю сознательную жизнь кого-то поздравляю — это у меня уже профессия, — то нахожусь, как говорится, в теме. Сидит посреди сцены совершенно ничего не соображающий виновник, заваленный цветами, как в могиле. А за кулисами стонут «поздравлялы»: «О господи, да когда же это кончится, после кого мы идем?» А потом они выходят на сцену и начинают: «Да ты наш любимый, единственный!»

— Все юбилеи превратились в шоу?

— Конечно! Причем нужно обязательно «хорошо пройти». Поэтому надо готовиться. Театр — не молокозавод, значит, непременно нужны шутки. Шутки уже давно кончились, новые придумать нелегко. Да еще если ты фигура известная, от тебя ждут чего-нибудь этакого... Начинается Голгофа!.. Вот я и решил посидеть с уткой, чтобы не мучить ни себя, ни друзей. Понимаешь? Так что праздник получился домашний. Приехали дети — стиснув зубы, все-таки 450 верст. Никаких торжеств и банкетов не было. Из гостей — только соседи, те, кто рядом живет.

— Газеты писали, что Путин сам приезжал к вам на озеро с поздравлениями. Это правда?

— Это было до дня рождения. Он просто приехал на Валдай оттянуться на сутки. А через озеро — я. Очевидно, решил: «Заскочу, скажу «здрасьте». Я Путина еще по Ленинграду знаю, мы приятельствовали с Собчаком. Как все они узнали? Никого ведь из журналистов там не было. Неприятное ощущение, что он подумал, будто это я кому-то стал вклять.

— А портрет Путина у вас на стене давно висит?

— С дня рождения Андрия Милонова. На спектакль тогда пришли мои друзья из администрации президента. Они и принесли это фото. Сами вбили гвозди и повесили со словами: «Этот портрет очень подходит для кабинета руководителя Театра сатиры. Здесь Владимир Владимирович очень иронично смотрит». Так с тех пор и висит.

— Как вы отнеслись к вручению вам ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени?

— Как ни крути, это, конечно, удар по психике. Все-таки высшая награда Родины. А степень — ну что такое степень? На самом деле это степень свежести юбилея.

— Только что у вас прошла премьера юбилейного спектакля «Нам все еще смешно». Вы собираетесь включить его в репертуар театра?

— Хочу попробовать. У меня была зыбкая мечта сделать не юбилей, а антиюбилей. Такое обозрение за 80 лет. Ведь именно в двадцатые годы Театр сатиры. Мы еще почти не играли спектакль на нормальной публике. Пока зрители были критики, родственники, театральная общественность.

— Похожая ситуация была у вас с Андрюшей?

— Я готовил постановку к шестидесятилетию Андрея. Сыграли, хвалили, я думал: ну сыграем еще несколько раз. Четыре года идет на аншлагах! В Америке, Канаде, Израиле, Германии... Причем премьерные спектакли для элиты хуже проходили. Конечно, сама личность Андрея много значит. Но главное — народ все-таки хочет смеяться. При нашей жизни критик, по-моему, просто имеет право взять и на два часа отключиться.

— А как вы считаете, Александр Анатольевич, над чем сейчас актуально смеяться?

— Ужас в том, что смеяться вроде можно над всем, но — не хочется. Раньше, когда была эра аллюзий — «фига в кармане», — протаскивали запретное в «Женитьбе Фигаро» или, допустим, в «Доходном месте», или где-то еще... Был дефицит возможности сказать острое слово. А сейчас, пожалуй, лепи — не хочу. И лепят так, что уже зашкаливает. Вообще дефицит — это всегда какой-то стимул. В театре, в кино, в быту — все шло через дефицит и поиски. Чего стоили одни только походы в знаменитую комиссионку в Южном порту, где сидели совершенные убийцы и бандиты. Чтобы купить списанную машину, нужно было стать космонавтом и принести 150 справок... Была история, когда я помогал Ямочке Гердту выбрать там иномарку. Это старье с правым рулем развалилось потом через 3-4 месяца. Но зато какое счастье было — Гердт купил «Вольво»! Или вот курю я трубку. Сейчас в любой подворотне 150 марок табака, да? А когда мы начинали курить, было всего три: «Золотое руно» в Москве, «Трубка мира» и «Капитанский» в Ленинграде. И мы делали из него «фирму», представляешь? Ссыпалось все вместе, покупалась китайская рубашка... Они были единственные в целлофановых пакетах. Рубашка выбрасывалась, в пакет насыпался табак. Тауда — несколько долек яблока, чернослив, несколько капелек коньяку. И все это вывешивалось между рамами на солнце. И преле! И после отдаленно напоминало нормальный табак.

— Элегантные, стильные трубки давно стали частью вашего имиджа. Вы ведь, кажется, много лет их коллекционируете?

— С трубками раньше было так же плохо, как и с табаком. В основном довольствовались «Яввой». Правда, в Ленинграде работали два замечательных автора: Киселев и Гречихин. Ну а все эти «Данхиллы» заграничные уже потом появились. Коллекция у меня никогда толком не было. Свалка! И на даче, и здесь. Причем домашние норовят каждый раз вынести трубку в ведро, когда увидят ее на полу. Хорошо, если успеешь заметить. Есть люди, которые хранят трубки под стеклом, в специальных стойках. Вот это коллекция, а у меня — свалка.

— Вам есть что вспомнить? А сожалений по поводу того, что можно было потратить время, силы и талант на что-то более важное, чем поиски дефицита, вы не испытываете?

— А я тебе скажу, что все совмещалось. Был и момент творчества. Зато сегодня просто лапы опускаются. Или куда хочешь, говоришь этой даме, ведущей, снимаешь все сливки. Пошло — не пошло, надоело... Все, что есть в эстрадном жанре, она собрала в кулак и выдает «на гора».

Ну не все, ну 80 процентов... К этому уже привыкли и приспособились. Со сцены порой несет что-то несусветное, а люди хохочут. И как — вздох! А в результате постепенное обыванивание. Альтернативы ведь нет, а все время слушать о взрывах нельзя. Народ с вилами пойдет. Вот вам и причина ее успеха.

— Как вам кажется, название вашего театра актуально тому, что в нем происходит? Или это уже просто бренд?

— Это дань истории, традиции. Был театр Гоголя, театр Пушкина, даже театр транспорта... Театр сатиры — сегодня очень условное название. Когда-то, во времена невозможности, тут творились невероятные вещи. Сколько у того же Плутыча закрытых спектаклей? Страшно вспомнить! «Теркин на том свете», «Доходное место», «Самобийца»... Все не перечислишь. Даже я успел отличиться: комиссия не приняла постановку «Недоросль», которого мы дела-

езно, начиная от гвоздя и заканчивая катаклизмами, то — хана.

— А что, по вашему мнению, сейчас происходит с жанром сатиры и юмора на эстраде?

— Сегодня все катят бочку на «Аншлаг», который действительно ужасный. Ужасный — не ужасный, но энергия этой дамы, ведущей, снимает все сливки. Пошло — не пошло, надоело... Все, что есть в эстрадном жанре, она собрала в кулак и выдает «на гора».

Ну не все, ну 80 процентов... К этому уже привыкли и приспособились. Со сцены порой несет что-то несусветное, а люди хохочут. И как — вздох! А в результате постепенное обыванивание. Альтернативы ведь нет, а все время слушать о взрывах нельзя. Народ с вилами пойдет. Вот вам и причина ее успеха.

— Как вам кажется, название вашего театра актуально тому, что в нем происходит? Или это уже просто бренд?

— Это дань истории, традиции. Был театр Гоголя, театр Пушкина, даже театр транспорта... Театр сатиры — сегодня очень условное название. Когда-то, во времена невозможности, тут творились невероятные вещи. Сколько у того же Плутыча закрытых спектаклей? Страшно вспомнить! «Теркин на том свете», «Доходное место», «Самобийца»... Все не перечислишь. Даже я успел отличиться: комиссия не приняла постановку «Недоросль», которого мы дела-

ли вместе с Юликом Кимом. Спектакль закрыли, увидев в нашей работе издевательства над классикой. Плохо себе представляю, что нужно сотворить, чтобы сегодня запретили спектакль. По сцене уже ходит голый Онегин, а Тригорин, оказывается, педераст... Признаться, не хочется участвовать в подобном соревновании, что круче. И какая сегодня может быть сатира? Вообще сатира подражает злость, а я ее не люблю. Юмор, ирония, пародия, шарж — это да.

— Вы в театре уже во второй «президентский» срок пошли. Что-то изменилось кардинально с декабря 2000 года?

— Сначала была, конечно, какая-то эйфория. Надо было остановить крушение, не допустить варягов. А теперь нужно идти дальше. Одна из причин, по которым я согласился стать худруком, — любопытство. Артистом я работал и работаю, три года плотно занимался радио, на телевидении вел передачи «Семь нас и джаз» и «Термостермок». Для цирка писал репризы, с 24 лет в Пушкинском училище преподаю. Начинаешь называть фамилии своих учеников, и неловко становится: Андрей Миронов, Наташа Гундарева, Алла Демидова, Леонид Ярмольник. Чувствуешь себя Мафусаилом. В кино посылался, а вот театром до последнего времени не руководил. Теперь то я вкусил и этой прелести.

— На вашей сцене пока много звезд: Державин, Ва-

сильева, Аросева, Мишулин, Селезнева. Что будет, когда они уйдут? Появятся ли талантливая молодежь и какие перспективы у Театра сатиры?

— Молодежь у нас есть, она просто недостаточно светится в «ящике» и поэтому не раскопана. А старики в прекрасной форме и не скрывают своих лет. Конечно, театр мастодонтский — государственный, репертуарный, академиче-

ский. Если бы я был моложе, с горящими глазами, да еще и с фашистскими задат-

ками, то, наверное, оставил бы в труппе человек двадцать, а остальные — пошли вон, дураки». Полсадика в аренду, ресторан на улице, ставим только порнографию, берем режиссеров за любые деньги... Но нет, при мне таких глобальных перемен не будет.

— То есть неслыханных революций — кадровых или творческих — вы совершать не собираетесь?

— Мы на плаву, народ к нам ходит. Но, тем не менее, нужна настоящая, неожиданная режиссура. Не эта вот новая волна. Можеет, она и замечательная, но я ее физиологически не очень воспринимаю. Нужны молодые неординарные авторы. В день к нам прино-

сят по 10–15 пьес. Из них 150 процентов чистой графомании или жути! Можно сойти с ума. А не читать нельзя — вдруг новый Горин где-нибудь в захолустье сидит и пишет. Но пока его что-то не видно. С героями у нас проблемы, Мироновых мало, в смысле — Андреев... Но их не только у нас мало.

— Вы ведь были знакомы с Андреем Мироновым много лет. Какое место он занимал в вашей жизни и в жизни Театра сатиры?

— Он был премьером театра. Сейчас это слово ушло, ничего в голову, кроме слова «министр», не приходит, а раньше в любом театре был премьер, первый артист. Андрей был премьером, без всяких. Мы с ним дружили, но я старше его на шесть лет. Когда я учился уже в десятом классе, Андрюша был для меня еще шедупонь. Дальше — он поступил в институт, а я — великобозрастный — в нем преподавал, выпускал с Андреем дипломный водевил. А потом возрастная разница, конечно, исчезла. Перейти на работу сюда, в этот театр, меня спровоцировали Марк Захаров и Андрей Миронов. Все же мы с Андрюшей общались лет сорок.

— Кажется, Татьяна Егорова выпустила очередные мемуары. В прежних своих книгах и интервью она сказала о вас немало «добрых» слов. Как вы относитесь к ее бурной деятельности?

— Как к болезненному явлению. В этом случае психиатрическую экспертизу давно пора делать. Она же только и ждет, чтобы я отреагировал. Но я не собираюсь ввязываться ни в какие скандалы и выяснения. Чего она там еще понаписала, не знаю. Поезд давно ушел. У Татьяны Егоровой была сложная жизнь, и ее взаимоотношения с Андреем тоже были непростые. У него не только с ней были непростые отношения. Человек он был увлекающийся и любвеобильный. А вот делать из этого бестселлер — это только на наши слабые читательские мозги. Кстати, когда-то именно я привел Егорову с первым рассказиком в «Литературную газету», так что, можно сказать, помог ей сделаться писательницей. Ну да бог с ней...

— Говорят, что недавно ваш театр стал ближе к Богу. Правда, что у вас теперь есть свой «придворный» священник?

— В штате его нет. Но когда у нас начались неприятности и болезни — одно за другим пошло, — мы пригласили друга моей жены, отца Вадима, очень интеллигентного и милого человека. С тех пор мы дружим, он приходит к нам на премьеры, крестит наших детей... Я не атеист, но и не верующий. И

сильева, Аросева, Мишулин, Селезнева. Что будет, когда они уйдут? Появятся ли талантливая молодежь и какие перспективы у Театра сатиры?

— Молодежь у нас есть, она просто недостаточно светится в «ящике» и поэтому не раскопана. А старики в прекрасной форме и не скрывают своих лет. Конечно, театр мастодонтский — государственный, репертуарный, академиче-

ский. Если бы я был моложе, с горящими глазами, да еще и с фашистскими задат-

ками, то, наверное, оставил бы в труппе человек двадцать, а остальные — пошли вон, дураки». Полсадика в аренду, ресторан на улице, ставим только порнографию, берем режиссеров за любые деньги... Но нет, при мне таких глобальных перемен не будет.

— То есть неслыханных революций — кадровых или творческих — вы совершать не собираетесь?

— Действительно, скоро золотая свадьба. Живу по законам супружества, новогото-ничего не придумали. Придумали бы — может, было хорошо. Жена моя — известный архитектор. Много строила, плотно работала, мои занятия ее никогда особенно не интересовали. Она и до сих пор, так сказать, не очень точно знает, в каком театре я работаю. Я утри-

рую, но тем не менее... Есть жены-душечки, и иногда очень завидно, когда встречаешь такую пару. Но представишь что-то подобное у себя дома и думаешь: «Убить! Убить! Немедленно!» Что-то среднее, наверное, хорошо. Да так не бывает. А моя — внуки, собаки... Сейчас она на пенсии, но вопросов, как прошла репетиция или премьера, по-прежнему не задает. С другой стороны, стала бы спрашивать — можно было, наверное, тоже ее зарежать... Наш брак держится на параллельном существовании.

— Вы довольны тем, как сложилась судьба вашего сына Михаила?

— Трудно сказать. Он много работает. Я доволен, что Миша занимается делом, которое сам выбрал. Доволен, что он нашел в себе мужество уйти из театра — его никто не гнал. Ведь театр — это вековые кандалы. Он попрыгал за Райкиным несколько лет, понял, что не светит, и ушел. Но не в никуда, а все-таки нашел в себе мужество очень трудолюбиво заниматься и продюсерством, и телевидением. Хотя на телевидении сейчас бог знает, что. Особенно раздражает бесчисленное количество ток-шоу. Токует спрашивающий, а отвечающий под пыткой хочет выглядеть личностью. И все это пердрано с западных телепрограмм. Михаил ищет новые формы и придумывает новые проекты. А не просто сидит там себе и скулит.

— А своей собственной жизнью вы довольны, не хотелось бы что-то в ней изменить?

— Да, конечно, хотелось бы. Только не знаю что.

— Например, попробовать сменить амплуа?

— Но для этого надо было, знаешь, родиться в другом виде: с другим лицом и мироощущением. Тогда я был бы социальным героем, а не разгильдяем, стилистой и бабником. Играл бы в фильмах про свинарку и пастуха. Но не получилось, так уж меня слепили родители.

— Мало кто знает, что свою жизнь в искусстве вы начинали как простой русский мужик в спектакле Театра имени Гоголя по пьесе Салынского. Целый акт вам надо было лежать в валенках в избе на печи, а потом произносить всего одну реплику: «Пошто, мужики, зазря по степу мыкае-месь?»

— Хотя зал замирал от нежданности, но, к сожалению, ничего близкого по силе выражения глубины народного чувства драматургия потом мне не предлагала. Иногда, правда, давали сыграть роли меньшевиков.

Особенно в застойные годы. Кто-то наверху решил, что типичный меньшевик — это я в пенсне. Большевики разрешили сыграть только один раз, и то — в гробу! А еще я наиграл бесчисленное количество иностранцев: француз, итальянец и, конечно, англичанин с трубкой во рту.

— А почему вас сейчас совсем не видно в кино?

— То, что сегодня снимается, назвать кинематографом можно лишь с натяжкой. Приятные междусобойчики, тусовка для старых знакомых. На мой взгляд, многое делается исключительно ради «Кинотавра», очередной какой-нибудь «Ники», но никак не ради зрителей. Так что кино для меня не вариант. Да и все предложения — сериального свойства.

— Есть у вас творческое желание, которое вы хотели бы реализовать в нынешнем году?

— Хорошо бы немножко расслабиться и заняться собой. В спектакле каком-нибудь новым сыграть. Последняя моя премьера была давно. Правда, такой роли, чтобы «или сыграть — или умереть», я пока не вижу. Сейчас на мне висит итальянская пьеса. Автор — Альдо Никколи, называется — «Геральдическая репетиция». Веселая такая штука, даже немножко острая. Где-нибудь весной ее начну. Но как режиссер, а на главную роль в этом спектакле я пригласил Владимира Долинского.

1880 ГОДЪ.

Россия

Б. Ельцин: «Берите суверенитета сколько сможете...»

25 декабря 1991 г.
М.С. Горбачев сложил с себя полномочия президента уже фактически не существующего СССР. Это было завершением длинной череды событий: провал ГКЧП, Беловежские соглашения, Алма-Атинские соглашения. А может, начиная с провозглашения перестройки и гласности? Споры о причинах распада СССР начались практически сразу же — в январе 1991-го и ведутся по сей день. Каковы итоги?

Что случилось с Советским Союзом?

Юрий Цурганов

Современная полемика по данному вопросу ведется фактически вокруг трех утверждений:

№ 1. К середине 1980-х у СССР не было сколько-нибудь серьезных проблем, не было необходимости его реформировать. Курс на перестройку был ошибкой Горбачева. Либерализация системы дала возможность скрытым антисоветским силам («пятой колонии» Запада), существовавшим в стране, открыто заявить о себе, завладеть сознанием части населения, дискредитировать политическую систему СССР. Объективно союзником «пятой колонии» в деле «развала Союза» стала переродившаяся часть номенклатуры КПСС, «забывшая сепаратизмом». В основе поведения перерожденцев — честолюбие и жажда власти. Появление таковых не было обусловлено никакими историческими предпосылками. Это случайность, вызванная просчетами в кадровой политике. Позиция Ельцина была специфической формой сепаратизма — СССР теоретически мог существовать без любой из республик, кроме РСФСР. «Суверенизация» РСФСР означала уничтожение СССР.

№ 2. У СССР были серьезные проблемы, но государство можно было спасти посредством перестройки. Либерализация системы не была ошибкой, она была необходимостью. Перестройка не привела к спасению системы из-за той части номенклатуры (от Лигачева до членов ГКЧП), которая противилась реформам, дискредитируя тем самым политическую систему СССР в глазах граждан. Объективно союзником антиреформаторов стала часть номенклатуры КПСС, «забывшая сепаратизмом».

№ 3. СССР был обречен, он умер бы вне зависимости от курса на перестройку. Его смерть — вопрос времени и обстоятельств, поскольку система была изначально порочна. «Сепаратистская болезнь», а точнее, честолюбие и жажда власти у номенклатуры КПСС — не досадная случайность, а родовая черта. Закономерными и оправданными были и антисоветские настроения граждан. В отличие от контрреформаторов типа Лигачева Горбачев понимал, что СССР находится в состоянии кризиса. Начиная перестройку, он стремился спасти именно систему, но это было невозможно. Путь Лигачева и путь Горбачева — это две разные дороги к одному обрыву. Ельцин в Беловежье смягчил падение в этот обрыв, предотвратив развитие событий по «югославскому сценарию».

Престиж газеты «Россия» не позволяет вступать в дискуссию с версией № 1. Для полноты картины общественных настроений упомянуть ее нужно, но относиться к ней серьезно невозможно.

Товарищи, будьте последовательны!

В 1920-е в правых кругах русской эмиграции культивировалась мысль о том, что гибель Российской империи есть результат «заговора темных сил», прежде всего масонов, прокрывшихся в правительст-

во, Государственную думу, редакции периодических изданий. Историк-марксисты над этой теорией дружно смеялись (и правильно делали), доказывая, что гибель Российской империи — результат системного кризиса, а не заговора кучки пусть даже очень высокопоставленных людей. Но вот пришло время исчезнуть с политической карты мира Советскому Союзу. И те же историки-марксисты дают комментарий: СССР «развалили» либералы, диссиденты, переродившиеся партаппаратчики, агенты ЦРУ (при этом совершенно игнорируется тот факт, что США и другие страны Запада не считали для себя желательным растаскивание советского ядерного потенциала по национальным государствам, могущим возникнуть при распаде СССР, поскольку последствия этого представлялись мало предсказуемыми и опасными). Хочется возразить: товарищи, будьте последовательны.

Достаточно назвать хотя бы одну причину, по которой СССР не мог сколь угодно долго сохранять себя в том виде, в каком он существовал в период правления Брежнева. Наступила «компьютерная эра». К концу XX в. уже ни одна страна мира не могла претендовать на статус «сверхдержавы», не проведя тотальную компьютеризацию всей хозяйственной, научной, военной и других сфер. Вместе с тем сама идея компьютеризации абсолютно не совместима с идеей контроля за информацией — основы основ любого тоталитарного государства.

Не компьютеризировать страну, оставить советское общество закрытым — значит похоронить всякую надежду на сохранение научно-технического паритета с США; начать компьютеризацию — значит допустить широкомасштабный доступ интеллектуальной час-

ти советского общества к нелицеприятной для КПСС информации. А это неизбежно ведет к существенному сужению социальной базы режима. В этих условиях провозглашение политики гласности выглядит как превентивная мера: КПСС сама разрешает публиковать в СССР ранее запрещенные тексты. «Добровольный» шаг КПСС навстречу обществу мог смягчить психологический эффект от чтения населением крамольных произведений. Но не смятил. На смену латентному неприятию системы ценностей советского общества пришел ярко выраженный антимарксизм. Это относится преимущественно к людям молодого и среднего возраста, живущим в крупных городах и занятым в интеллектуальной сфере. От политической воли именно этой части общества во многом зависело развитие событий в кульминационные моменты истории, прежде всего в августовские дни 1991 г.

Суммируем претензии граждан СССР к КПСС и, перефразируя общественное деятели начала XX в. В.В. Шульгина, определим:

Что нам в ней не нравилось?

Ответ будет таким: ханжество, культ аскетизма, убожество внешних форм существования общества, полная зависимость человека от государства, тотальная регламентация жизни граждан, насаждение коллективизма. Это шло от КПСС, и фиаско этой партии как руководящей и направляющей силы было предсказуемо. Другой вопрос: насколько распад СССР как единого государства (название может быть разным) был неизбежным последствием краха КПСС? То есть какая из версий — № 2 или № 3 — ближе к истине? На рубеже 1980-х — 1990-х были нередки рассуждения о том, что партийный жернов страна

должна сбросить, чтобы он не утащил ее за собой в бездну.

Как на первопринципу распада СССР обычно указывают на его административно-территориальное устройство в виде национальных республик. Упомянут также и право на свободный выход из состава Союза, отмеченное в Конституции. Такое право было, конечно, чистой формальностью, но лишь пока государство имело силы сдерживать сепаратистские устремления. Но это то, что лежит на поверхности. Что отсюда эти устремления, в принципе, возникли? Номенклатура разрасталась, и многим уже не светило завершение карьеры в столице. Появилась новая мечта — узаконить статус региональных хозяев. Но неужели одного желания номенклатуры национальных республик, не подкрепленного общественными настроениями, было достаточно для «развода по-советски»? Дело в том, что СССР, как государство, имело

врожденные пороки, причем куда более серьезные, чем административно-территориальное устройство.

Врожденные пороки

Исходная причина возникновения в СССР сепаратистских устремлений та же, что и в Российской империи, где национальных республик не было. Если основной этнос составляет весомый процент населения, то меньшинства, как правило, интегрируются с ним. При уменьшении доли основного этноса возникают иные центры этнокультурной консолидации. В Российской империи великороссы не смогли стать центром консолидации восточноевропейских народов. И это произошло вследствие присоединения Средней Азии и Кавказа. Оно даже стало стимулом для распада восточнославянского триединства. Присоединение новых территорий было следствием политики экспансии российской ко-

роны, которая всегда считала, что ей не хватает территории. Ситуация повторилась в СССР.

Истребляя национальные элиты, политбюро стремилось уничтожить национально-мыслящий слой людей, поскольку именно этот слой — потенциальные сепаратисты. Но сепаратизм усиливается по мере усиления нажима на народы. Получается замкнутый круг. Кроме того, для индустриализации многонациональной страны требовались национальные кадры на национальных окраинах. Т.е. вырезав дореволюционную элиту, большевики оказались вынуждены создать новую элиту. Она, конечно, была несравненно скромнее развитой в гуманитарном плане, не могла генерировать общественные идеи, в том числе и сепаратистские, в том объеме, что предшественники. Но в каком-то объеме могла. Тем более что народы, из которых эта элита вышла, уже пережили шок. Образовалась вторая замкнутый круг. Советские национальные элиты чистили все сталинские годы. Но накал страстей от этого мог только усиливаться. Конечно, протест в то время проявлялся в основном подспудно, но в условиях общего ослабления государства вырывался на поверхность. В условиях Второй мировой войны — в виде повстанческого и коллаборационистского движений. Реакция правящей партии — на этот раз высылка целых народов.

Главная причина распада СССР — нищета. Социализм нес ее повсюду. В 1970–80-е страна проедала нефтедоллары, а многим этот период до сих пор представляется «золотым веком». Республиканизм стало ясно: единство — значит, нищета. От богатых не отделяются.

Из перечисленных врожденных пороков только первый, причем самый безобидный, достался советскому государству «по наследству». Все остальное — результат «наработок» компартии. Так что наиболее справедливой представляется версия № 3, по которой гибель СССР была лишь вопросом времени и обстоятельств. Каковы же они?

Время и обстоятельства

Решающий вклад в распад СССР внесли те, кто стремил-

ся отстранить Горбачева от власти. Это сделали Иван Ползков и Геннадий Зюганов, создав республиканскую партийную организацию — КП РСФСР. На сентябрь 1991 г. готовилось проведение съезда КПСС и Съезда народных депутатов СССР, чтобы сместить Горбачева с постов генсека и президента. В качестве контрмеры Горбачев был вынужден обратиться к главам союзных республик с обещанием радикально расширить их полномочия. Реакцией на это стал ГКЧП — последняя капля, перевесившая чашу весов в пользу распада СССР.

Сам Горбачев, стремясь ослабить Ельцина, предложил «План автономизации» — поднять статус автономий в составе РСФСР до статуса союзных республик. В случае реализации плана РСФСР теряла 51% территории с большим количеством стратегических ресурсов и почти 20 млн. населения. Именно в противовес этому плану российский Съезд народных депутатов принял Декларацию о государственном суверенитете России. Наконец, президент СССР, избранный лишь Съездом народных депутатов, а не прямым голосованием населения, выглядел менее легитимным, чем любой из президентов союзных республик. Горбачев, конечно, ничего не разваливал сознательно, он стремился спасти, но что? Он до последнего стремился спасти социализм, говорил о недопустимости введения частной собственности. А если бы с самого начала перестройки начать спасать страну, а не систему?

И Российская империя, и Советский Союз погибли по объективным причинам. Другое дело, как мы к этому относимся. Диапазон эмоций по поводу каждого из этих двух событий может быть очень широким — от скорби до злорадства. Но учтем, что за восстановление жизненного уклада, рухнувшего в 1917 г., пять лет шла Гражданская война. Да, она закончилась поражением тех сил, которые стремились к восстановлению обнулившейся государственности, но во всех регионах страны нашлись люди, которые исчислялись сотнями тысяч и выражали готовность выступить с оружием в руках. В 1991 г. в защиту СССР не раздалось ни одного выстрела.

Экономическая разруха и обострение социальных конфликтов стимулировали рост национальных движений, считавших: если назревшие проблемы нельзя разрешить в рамках общегосударственных, то надо из такого государства выходить и пытаться их решать в рамках национальных. Вспышка национальных чувств распространилась и на межнациональные отношения, особенно в Закавказье. Усиление центробежных сил, в свою очередь, способствовало росту национального обособления и в русском населении.

Задачи оппозиции

В любом случае укрепление оппозиции, создание альтернативной политической силы, способной перенять власть, — самая важная задача сегодня. Для этого необходимо объединить усилия различных групп, стремящихся к коренным реформам во благо страны и народа. Необходимо подготовить программы этих реформ. В частности, как отстраивать новые структуры, приспособленные к работе в условиях рынка (систему независимой собственности, систему банковского кредита, социального обеспечения, налогов, новых трудовых отношений). Или как отстраивать учреждения правовой демократии (независимый суд, законодательные органы на всех ступенях самоуправления, подпирющие их деятельность общественные объединения). Чем шире будет сеть самоорганизации общества, тем прочнее будут основы новой власти. Нельзя допустить, чтобы КПСС, рухнув, потянула за собой в хаос страну.

Из резолюции Совета Народно-Трудового Союза
российских солидаристов (НТС)
(февраль, 1990)

Спасать страну, а не социализм

Замысел и миф

В идее перестройки были противоречиво соединены реальный замысел и миф. Реальный замысел — это приведение страны в порядок при помощи рыночных стимулов, чтобы она шла в ногу с научно-технической революцией, поднятие уровня жизни и сохранение положения сверхдержавы. Миф — это осуществление всех этих задач «в рамках социалистической системы», не отказываясь от «общественной» собственности и «планового» хозяйства, не отходя от Ленина и Октября 1917 года.

Противоречие между замыслом и мифом — во всем, что предпринимает власть. Хозрасчет, арендный подряд, оптовая торговля, кооперативы не дали существенных результатов потому, что реальный замысел не укладывается в рамки «социалистической системы». Система подрывает реформы, их замысел компрометируется.

«Гласность»

«Гласность» была задумана как средство укрепления мифа. Во-первых, открыто признать катастрофическое положение страны и необходимость реформ. Во-вторых, свалить всю вину на «застойный период» Брежнева, а потом и на Сталина. В-третьих, упорно отстаивать неизбежность Октябрьского переворота и «единственно верную» концепцию ленинского социализма. На практике же гласность своими разоблачениями подрывала позиции коммунистической власти и была использована конструктивными силами для удара по октябрьско-ленинскому мифу.